

Въ виду этого Декартъ составляетъ себѣ временную мораль изъ трехъ, четырехъ правилъ: первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы повиноваться законамъ и обычаямъ своей страны, постоянно держась той вѣры, въ которой Богу было угодно, чтобъ онъ былъ наставленъ съ дѣтства, во всемъ остальномъ руководствуясь мнѣніями самыми умѣренными и самыми далекими отъ крайностей, распространенными между самыми разумными изъ тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходится жить. Такъ какъ хотя между Персами и Китайцами есть можетъ быть столь же разумные, какъ и между нами, полезнѣе всего сообразоваться съ тѣми, которые насъ окружаютъ.

II.

Но возвратимся къ оцѣнкѣ жизни гр. Толстымъ; если настоящая жизнь должна быть нелѣпа — это не только не подтверждаетъ возможности другой разумной жизни, но доказываетъ наоборотъ, что жизнь въ существѣ своемъ есть нелѣпость, что жизнь должна быть нелѣпа. Этотъ пессимистическій аргументъ, указанный здѣсь только мимоходомъ, подробно развивается Гартманомъ въ критикѣ того, что онъ называетъ второю стадіей иллюзіи. Но у Гартмана, такъ же, какъ и у Шопенгауэра, его отрицательное отношеніе къ личному безсмертію